

A black and white photograph showing the faces of Joseph Stalin and Maxim Gorky. Stalin is on the left, looking slightly to the right. Gorky is on the right, looking slightly to the left. The background is dark.

Иосиф
Сталин
Максим
Горький

Если враг
не сдаётся...
Опыт борьбы
с «пятой колонной»

Гиганты политической мысли

Максим Горький

**«Если враг не сдается...»
Опыт борьбы с «пятой
колонной» в СССР**

«Алгоритм»

УДК 323 (470+571)
ББК 66.4(2)

Горький М.

«Если враг не сдается...» Опыт борьбы с «пятой колонной» в СССР / М. Горький — «Алгоритм», — (Гиганты политической мысли)

ISBN 978-5-907028-11-1

Имена И.В. Сталина и А.М. Горького не случайно объединены в этой книге. Дело не только в том, что в марте 2018 года исполняется 150 лет со дня рождения А.М. Горького и 65 лет со дня смерти И.В. Сталина – эти два человека в 1930-е годы вместе боролись за сохранение советской державы, которая подвергалась ожесточенным атакам со стороны как внешних, так и внутренних врагов. Сталин руководил разгромом «пятой колонны» в СССР, Горький давал идеологическое обоснование этой борьбы: именно ему принадлежит знаменитая фраза: «Если враг не сдается, его уничтожают». В книге собраны самые значительные выступления и статьи И.В. Сталина и А.М. Горького, посвященные этой теме, в том числе закрытые в советское время от общественности, предназначенные для узкого круга лиц и выходившие под грифом «Совершенно секретно».

УДК 323 (470+571)
ББК 66.4(2)

ISBN 978-5-907028-11-1

© Горький М.
© Алгоритм

Содержание

Создание и крах «пятой колонны» в СССР	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Иосиф Виссарионович Сталин, Алексей Максимович Горький «Если враг не сдается...» Опыт борьбы с «пятой колонной» в СССР

Создание и крах «пятой колонны» в СССР

С момента захвата Гитлером власти в Германии развязывание международной контрреволюции стало составной частью нацистских планов завоевания мира. В каждой стране Гитлер приступил к мобилизации контрреволюционных сил, отныне эти силы превращались в пятую колонну нацистской Германии, в организации измены, шпионажа и террора. Эта пятая колонна стала тайным авангардом германских вооруженных сил.

Одна из самых мощных и значительных пятых колонн действовала в Советской России. Ее возглавлял человек, являющийся, быть может, самым примечательным политическим ренегатом в истории.

Имя этого человека было Лев Троцкий.

Когда родилась германская «третья империя», Троцкий уже был главарем международного антисоветского заговора, располагавшего значительными силами в самом Советском Союзе. Находясь в изгнании, Троцкий замыслил свергнуть советское правительство, возвратиться в Россию и захватить власть.

«Было время, – писал Уинстон Черчилль в своей книге „Великие современники“, – когда Троцкий стоял очень близко к вакантному трону Романовых».

Изменниками становятся, а не рождаются. Подобно Бенито Муссолини, Пьеру Лавалю, Паулю Йозефу Геббельсу, Жаку Дорио, Ван Цзинвею и другим известным авантюристам, Троцкий начал карьеру, выступив как диссидент, как «крайний левый» в революционном движении своей родины.

С самого начала левая оппозиция в Советской России действовала двумя путями: открыто, с публичной трибуны, в своих газетах и аудиториях оппозиционеры несли свою пропаганду в народ. За сценой же подпольные совещания Троцкого, Бухарина, Зиновьева, Радека, Пятакова и др. вырабатывали свои стратегические планы и договаривались о тактике оппозиции.

На базе этого оппозиционного движения Троцкий создал в России тайную организацию заговорщиков, построенную по «системе пятерок», которую в свое время ввел английский агент Сидней Рейли и которая применялась эсерами и другими антисоветскими заговорщиками.

К 1923 г. подпольный аппарат Троцкого уже представлял собой широко разветвленную организацию. Троцким и его приверженцами были разработаны для нелегальной связи специальные коды, шифры и пароли. По всей стране были организованы подпольные типографии. Троцкистские ячейки были созданы в армии, дипломатическом корпусе, в государственных и партийных учреждениях.

Много лет спустя Троцкий сообщил, что сын его Лев Седов был в это время вовлечен в троцкистский заговор, который давно уже не представлял политической оппозиции в большевистской партии, а был на грани слияния с тайной войной против советского строя.

«В 1923 году, – писал Троцкий в 1938 г. в своей брошюре „Лев Седов: сын, друг, борец“, – Лев с головой ушел в оппозиционную деятельность. Он быстро постиг искусство заговорщи-

ческой деятельности, нелегальных собраний и тайного печатания и распространения оппозиционных документов. В скором времени в комсомоле выросли собственные кадры руководителей оппозиции».

Но Троцкий не ограничился организацией заговоров внутри Советской России...

Зимой 1921/22 г. один из руководящих троцкистов – Николай Крестинский, бывший адвокат, смуглый брюнет с уклончивым взглядом бегающих глаз – был назначен советским послом в Германии. В Берлине Крестинский явился с официальным визитом к генералу Гансу фон Секту, командующему рейхсвером. Из донесений своей разведки Сект знал, что Крестинский – троцкист. Немецкий генерал дал понять Крестинскому, что рейхсвер сочувствует целям русской оппозиции, возглавляемой военным комиссаром Троцким.

Несколько месяцев спустя в Москве Крестинский сообщил Троцкому об этих словах генерала Секта. Троцкий отчаянно нуждался в средствах для финансирования своей растущей подпольной организации. Он сказал Крестинскому, что оппозиция в России нуждается в союзниках за рубежом и что она должна быть готова к заключению союзов с дружественными державами. Германия, добавил Троцкий, не является врагом России; ввиду наличия в Германии реваншистских настроений в отношении Франции и Англии, столкновение ее с Советской Россией на ближайшее время исключено. Оппозиционные политики в Советской России должны быть готовы к тому, чтобы воспользоваться этой ситуацией...

В 1922 г. Крестинский вернулся в Берлин с тайной инструкцией. Троцкий поручил ему, «воспользовавшись встречей с Сектом при официальных переговорах, предложить ему, Секту, чтобы он оказывал систематическую денежную субсидию для разворачивания нелегальной троцкистской работы». Вот что произошло, по рассказу Крестинского: «Я поставил этот вопрос перед Сектом, назвал сумму 250 тысяч марок золотом... Генерал Сект, поговоривши со своим заместителем, начальником штаба, дал принципиальное согласие и поставил в виде контртребования, чтобы Троцкий в Москве или через меня передавал ему... некоторые секретные и серьезные сведения военного характера. Кроме того, чтобы ему оказывалось содействие в выдаче виз некоторым нужным им людям, которых бы они посылали на территорию Советского Союза в качестве разведчиков. Это контртребование генерала Секта было принято, и начиная с 1923 года этот договор стал приводиться в исполнение».

* * *

Тотчас же после смерти Ленина Троцкий стал заявлять о своих притязаниях на власть. На тринадцатом партийном съезде, в мае 1924 г., Троцкий потребовал, чтобы его платформа была поставлена на голосование. Семьсот сорок восемь большевистских делегатов съезда единодушно голосовали против платформы Троцкого и осудили его борьбу за личную власть. Всеобщее осуждение Троцкого было столь очевидным, что даже Бухарин, Зиновьев и Каменев были вынуждены публично присоединиться к большинству и голосовать против него. Троцкий яростно обрушился на них за «измену». Но несколько месяцев спустя Троцкий и Зиновьев снова объединили свои силы и образовали «новую оппозицию».

«Новая оппозиция» пошла дальше, чем все предшествовавшие фракции этого рода. Она открыто призывала к «обновлению руководства» в Советской России и, развернув во всей стране пропаганду и политическую борьбу против советского правительства, собрала вокруг себя все недовольные и враждебные элементы. Сам Троцкий писал впоследствии: «В охвосте этого авангарда плелись всякого рода недовольные, непристроенные и обозленные карьеристы». Шпионы, вредители из Торгпрома, белогвардейцы, террористы устремились в тайные ячейки «новой оппозиции». Эти ячейки стали собирать оружие. На советской территории начала формироваться тайная троцкистская армия.

«У нас должна быть политика дальнего прицела, – говорил Троцкий Зиновьеву и Каменеву (он вспоминает об этом в „Моей жизни“), – мы должны готовиться к длительной и серьезной борьбе».

Находившийся за пределами России капитан Сидней Джордж Рейли из английской Интеллидженс сервис решил, что настал момент для нанесения удара. Претендент на пост русского диктатора Борис Савинков – марионетка англичан – был послан в Россию летом 1924 года для подготовки ожидавшегося контрреволюционного мятежа.

По словам Уинстона Черчилля, который и сам был причастен к этому заговору, Савинков тайно поддерживал общение с Троцким. В своей книге «Великие современники» Черчилль пишет: «В июне 1924 г. Каменев и Троцкий совершенно ясно предложили ему (Савинкову) вернуться».

В том же году близкий сторонник Троцкого Христиан Раковский был назначен советским послом в Англии. Вскоре после его прибытия в Лондон к Раковскому (о котором Троцкий в 1937 г. писал: «это мой настоящий старый друг») явились в его служебный кабинет два офицера Интеллидженс сервис – капитан Армстронг и капитан Локкарт. Английское правительство сначала отказывалось принять советского представителя в Лондоне. Явившись к Раковскому, офицеры английской разведки, по его словам, обратились к нему с вопросом: «Знаете ли вы, каким образом вы получили агреман в Англии?.. Мы осведомились относительно вас у господина Истмена и узнали о вашей принадлежности к течению мистера Троцкого, о вашей близости с ним. И только вследствие этого обстоятельства Интеллидженс сервис дало агреман на назначение вас полпредом в эту страну».

Несколько месяцев спустя Раковский вернулся в Москву. Он рассказал Троцкому о том, что произошло в Лондоне.

Английская разведка, как и германская, желала завязать отношения с оппозицией.

«Это такое дело, над которым следует задуматься», – сказал Троцкий.

* * *

Спустя несколько месяцев у Троцкого, как он впоследствии писал в «Моей жизни», появилась «загадочная температура», происхождение которой «московские врачи никак не могли объяснить», Троцкий решил, что ему необходимо поехать в Германию.

В Германии, по его собственной версии, Троцкий остановился в «частной клинике в Берлине», где его навестил Николай Крестинский, исполнявший роль связиста между Троцким и германской военной разведкой. В то время как Троцкий и Крестинский совещались в клинике, к ним в комнату, по словам Троцкого, неожиданно вошел немецкий «полицейский инспектор» и объявил, что тайная немецкая полиция принимает чрезвычайные меры для охраны Троцкого ввиду раскрытого ею заговора против его жизни.

Этот испытанный прием разведки позволил Троцкому и Крестинскому провести немало часов за закрытой дверью в обществе представителя германской тайной полиции...

Летом того же года между Троцким и германской разведкой было достигнуто соглашение. Впоследствии Крестинский следующим образом охарактеризовал условия этого соглашения: «Мы в это время уже привыкли к поступлению регулярных сумм, твердой валюты... Эти деньги шли на развивавшуюся за границей, в разных странах, троцкистскую работу, на издательство и прочее... В 1926 году, в разгар борьбы троцкистских групп за границей с партийным руководством как в Москве, так и у братских партий... Сект... выдвинул предложение, что та шпионская информация, которая давалась ему несистематически, от случая к случаю, должна принять более постоянный характер, и, кроме того, чтобы троцкистская организация дала обязательство, что, в случае прихода ее к власти во время возможной новой мировой войны, эта троцкистская власть учтет справедливые требования германской буржуазии, то есть главным

образом требования концессий и заключения другого рода договоров. После запроса Троцкого и получения от него согласия я дал генералу Секту положительный ответ, и наша информация начала носить систематический характер, а не спорадический, как это было раньше. В устном порядке были даны обещания насчет будущего послевоенного соглашения...

...Деньги продолжали поступать. Начиная с 1923 года по 1930 год, мы получали каждый год по 250 тысяч германских марок золотой валютой».

Вернувшись в Москву из поездки в Германию, Троцкий повел решительную кампанию против советского руководства. «В течение 1926 года, – пишет Троцкий в „Моей жизни“, – партийная борьба развивалась с нарастающей интенсивностью. Осенью оппозиция произвела открытую вылазку на партийных собраниях». Эта тактика провалилась и вызвала повсеместное осуждение среди рабочих, гневно заклеивших попытку троцкистов внести разложение в ряды партии. «Оппозиция, – писал Троцкий, – была вынуждена отступить...»

* * *

Когда летом 1927 г. над Россией нависла угроза войны, Троцкий возобновил свои атаки против советского правительства. В Москве Троцкий открыто заявил: «Мы должны восстановить тактику Клемансо, который, как известно, выступил против французского правительства в то время, когда немцы находились в восьмидесяти километрах от Парижа».

Сталин заклеил это заявление Троцкого как изменническое. «Создается, – сказал Сталин, – нечто вроде единого фронта от Чемберлена до Троцкого».

Снова было проведено голосование по вопросу о Троцком и его оппозиции. На общепартийной дискуссии подавляющее большинство в семьсот двадцать четыре тысячи против четырех тысяч отвергло платформу троцкистской оппозиции и высказалось за руководство Сталина.

В «Моей жизни» Троцкий описывает ту лихорадочную заговорщическую деятельность, которая развернулась после его ошеломляющего поражения в результате общепартийной дискуссии. «В различных районах Москвы и Ленинграда были созваны тайные собрания при участии рабочих и студентов обоего пола, приходивших группами от двадцати до ста и двухсот человек послушать того или иного из представителей оппозиции. В течение дня мне приходилось бывать на двух, трех, а иногда и четырех таких собраниях...

Оппозиция умело подготовила большое собрание в помещении Московского высшего технического училища, которое было занято изнутри... Попытки администрации прекратить собрание оказались тщетными. Каменев и я говорили около двух часов».

Троцкий лихорадочно готовился к предстоящему открытому выступлению. В конце октября его планы созрели. 7 ноября, в день десятой годовщины большевистской революции, должен был произойти путч. Возглавить его предстояло наиболее решительным приверженцам Троцкого из его бывшей лейб-гвардии. Специальные отряды были выделены для захвата стратегических пунктов в стране. Сигналом к путчу должна была явиться политическая демонстрация против советского правительства во время массового парада рабочих в Москве, утром 7 ноября. Впоследствии Троцкий писал в «Моей жизни»: «Руководящая верхушка оппозиции шла навстречу финалу с открытыми глазами. Мы достаточно ясно понимали, что сделать наши идеи общим достоянием нового поколения мы можем не путем дипломатии и уклонения от действий, а лишь в открытой борьбе, не останавливаясь ни перед какими практическими последствиями».

Путч Троцкого провалился уже в самом начале. С утра 7 ноября, когда рабочие демонстрации шли по улицам Москвы, на них посыпались с высоких зданий троцкистские листовки, возвещавшие «приход нового руководства». Небольшие группы мятежников с троцкистскими

лозунгами и плакатами внезапно появились на улицах. Они были сметены разгневанными рабочими.

Советские власти приняли энергичные меры. Муралов, Смирнов, Мрачковский и другие бывшие участники военной гвардии Троцкого были немедленно арестованы. Каменев и Пятаков были арестованы в Москве. Правительственные агенты произвели обыски в тайных троцкистских типографиях и в складах оружия. Зиновьева и Радека арестовали в Ленинграде, куда они направились для организации путча одновременно с московским. Один из сторонников Троцкого, дипломат Иоффе, бывший послом в Японии, покончил самоубийством. Кое-где троцкисты были арестованы в обществе бывших белых офицеров, эсеровских террористов и иностранных агентов...

Троцкий был исключен из большевистской партии и сослан.

* * *

Троцкий был сослан в Алма-Ату, столицу Казахской советской республики в Средней Азии, вблизи китайской границы. Ему и его жене Наталье и сыну Седову был отведен дом. Советское правительство еще не представляло себе подлинного масштаба и значения его заговора. Ему разрешили сохранить при себе несколько личных телохранителей, в том числе бывшего офицера Красной армии Эфраима Дрейцера. Ему позволили получать и отправлять личные письма, иметь свою библиотеку и секретный «архив» и время от времени принимать друзей и почитателей.

Однако Троцкий и в ссылке не прекратил своей заговорщической деятельности...

27 ноября 1927 г. самый изворотливый из всех троцкистских стратегов, немецкий агент, дипломат Николай Крестинский написал Троцкому секретное письмо, в котором излагался стратегический план, усвоенный троцкистскими заговорщиками на будущее время. «Со стороны троцкистской оппозиции, – писал Крестинский, – нелепо пытаться продолжать открытую агитацию против советского правительства. Вместо этого троцкисты должны постараться вернуться в партию, занять ответственные посты в советском правительстве и продолжать борьбу за власть в самом правительственном аппарате». Характеризуя стоящую перед троцкистами задачу, Крестинский писал: «Медленно, постепенно, упорной работой внутри партии и в советском аппарате можно восстановить, вновь заработать доверие масс и влияние на них».

Тактический план Крестинского понравился Троцкому. Вскоре, как впоследствии признал Крестинский, Троцкий обратился к своим арестованным и сосланным последователям с инструкцией «вернуться обманным путем в партию», «законспирироваться» и «занять более или менее самостоятельные ответственные посты». Пятаков, Радек, Зиновьев, Каменев и другие сосланные оппозиционеры начали отмежевываться от Троцкого, объявили свою прошлую оппозицию «трагической ошибкой» и подали заявления о восстановлении в партии.

Дом Троцкого в Алма-Ате стал центром активных антисоветских интриг. «Идеологическая жизнь оппозиции в то время кипела как в котле», – писал впоследствии Троцкий в своей брошюре «Лев Седов». Из Алма-Аты Троцкий руководил тайной кампанией пропаганды и подрывной деятельности, направленной против советского режима.

Сыну Троцкого Льву Седову было поручено руководство системой тайной связи, при посредстве которой Троцкий общался со своими сторонниками и другими оппозиционерами в стране. В двадцать с небольшим лет Седов, наделенный преизбытком энергии и уже приобретший опыт прожженного конспиратора, сочетал фанатичную преданность целям оппозиции с чувством горечи и озлобления, которое в нем вызывало эгоистически самовластное поведение его отца. В своей брошюре «Лев Седов» Троцкий описывает ту важную роль, которую играл Седов, руководя из Алма-Аты системой связи заговорщиков. Троцкий писал: «Зимой 1927 года... Льву исполнилось двадцать два года... Его работа в Алма-Ате в течение этого года была

поистине беспримерной. Мы называли его нашим министром иностранных дел, министром полиции и министром связи. Выполняя все эти функции, он должен был опираться на нелегальный аппарат».

Через Седова поддерживалась связь с секретными курьерами, доставлявшими сообщения в Алма-Ату и увозившими директивы Троцкого.

Иногда из Москвы приезжали специальные курьеры. Встретаться с ними было делом непростым... Внешние сношения поддерживались исключительно Львом. Порой он уходил из дому дождливой ночью или в сильный снегопад или же, обманывая бдительность соглядатаев, укрывался на целый день в читальне, чтобы потом встретиться с курьером в общественной бане или в густом кустарнике где-нибудь на окраине или на по-восточному людном городском базаре, где толпы казахов шныряли среди лошадей, ослов и наваленных грудami товаров. И каждый раз он возвращался с ценной добычей, спрятанной под одеждой.

Через руки Седова проходило в неделю не менее «ста документов секретного характера». В дополнение к этому Троцкий рассылал из Алма-Аты большое количество пропагандистских материалов и личных писем. Многие из этих писем содержали «директивы» для его приверженцев и антисоветскую пропаганду. «Между апрелем и октябрём (1928 г.), – хвастал Троцкий, – мы получили приблизительно тысячу писем и документов и около семисот телеграмм. За этот же период мы отправили пятьсот телеграмм и не менее восьмисот политических писем...»

* * *

В декабре 1928 г. к Троцкому в Алма-Ату был направлен представитель советского правительства. Судя по записи в «Моей жизни», он сказал Троцкому следующее: «Деятельность ваших политических единомышленников в стране приняла в последнее время явно контрреволюционный характер. Условия, в которые вы поставлены в Алма-Ате, дают вам возможность руководить этой деятельностью...» Советское правительство требует от Троцкого обещания прекратить эту подрывную деятельность. В противном случае правительство будет вынуждено принять против него энергичные меры как против изменника. Троцкий отказался внять этому предостережению. Его дело было рассмотрено в Москве Особым совещанием при ОГПУ.

В сорок первом номере газеты «Правда» от 19 февраля 1929 г. было опубликовано следующее сообщение ТАСС: «Л. Д. Троцкий за антисоветскую деятельность выслан из пределов СССР постановлением Особого совещания при ОГПУ. С ним, согласно его желанию, выехала его семья».

Троцкий был выслан из Советского Союза. Это было началом самого необыкновенного этапа в его карьере.

«Изгнание обычно означает уход со сцены; в случае с Троцким произошло обратное, – писал впоследствии Исаак Маркусон в своей книге „Бурные годы“. – Пока Троцкий находился в пределах СССР, его можно было уподобить жалящему шершню, но и на расстоянии многих тысяч миль его жало не утратило своей остроты. Действуя издалека, он стал заклятым врагом России... Мастер демагогии, он жил в фантастической атмосфере национальных и международных заговоров подобно герою детективного романа Е. Филиппа Оппенгейма».

13 февраля 1929 г. Лев Троцкий приехал в Константинополь. Огромные заголовки в мировой прессе возвестили его приезд. Иностранные корреспонденты собрались на пристани в ожидании принадлежащей частному лицу моторной лодки, которая должна была доставить его на берег. Раздвигая толпу корреспондентов, Троцкий прошел к ожидавшему его автомобилю, у руля которого сидел один из его личных телохранителей, и машина унесла его туда, где его ждало заранее подготовленное помещение.

В Турции разразилась политическая буря. Просоветские круги требовали высылки Троцкого. В антисоветских кругах его приветствовали как врага советского режима. Турецкое пра-

вительство колебалось. Циркулировали слухи, что оно подверглось дипломатическому давлению держав, заинтересованных в том, чтобы удержать Троцкого в Турции, поблизости от советской границы. Наконец, был достигнут компромисс. Троцкий остался в Турции и в то же время не в Турции. «Красному Наполеону», как его называла пресса, было предоставлено убежище на принадлежащих Турции Принцевых островах. Через несколько недель после прибытия Троцкий его жена, сын и группа его телохранителей поселились на Принцевых островах.

На этом живописном черноморском острове, где Вудро Вильсон мечтал созвать мирную конференцию из представителей союзных держав и Советского государства, изгнанный Троцкий учредил свою новую политическую штаб-квартиру; его главным помощником и заместителем был его сын – Лев Седов... «На Принцевых островах, – писал впоследствии Троцкий, – была тем временем успешно сформирована новая группа молодых сотрудников из различных стран, работавшая в тесном контакте с моим сыном».

Лихорадочная атмосфера таинственности и интриг окружала небольшой дом, в котором жил Троцкий. Снаружи дом охранялся полицейскими собаками и вооруженными телохранителями. Жилище Троцкого кишело авантюристами радикального толка, выходцами из России, Германии, Франции и других стран. Троцкий называл их своими «секретарями». Они образовали новую гвардию Троцкого. Дом его осаждали посетители: антисоветские пропагандисты, политики, журналисты, падкие до лжегероики эмигранты и новоявленные приверженцы «мировой революции». Двери в кабинет Троцкого, где происходили его частые совещания с ренегатами коммунистического или социалистического движения, охранялись. Время от времени Троцкого навещали агенты Интеллидженс сервис и другие загадочные личности, визиты которых были окружены тайной.

Вначале главарем вооруженной лейб-гвардии Троцкого на Принцевых островах был Блюмкин, эсеровский убийца, с двадцатых годов с собачьей преданностью следовавший за Троцким. В конце 1930 г. Троцкий отправил его в Советскую Россию со специальным заданием. Блюмкин был задержан советскими органами безопасности, предан суду, признан виновным в антисоветской пропаганде и в контрабандном ввозе в страну оружия и расстрелян.

Впоследствии личная гвардия Троцкого возглавлялась французом Раймондом Молинье и американцем Шелдоном Хартом.

* * *

Троцкий всеми силами старался сохранить в изгнании свою репутацию «великого революционера». Ему шел пятидесятый год. Приземистый, слегка сутулый, он становился все более грузным и обрюзгшим. Его знаменитая копна черных волос и остроконечная борода поседели, но движения все еще были быстрыми и нетерпеливыми. Черные глаза за неизменным, блестящим на крючковатом носу пенсне придавали его мрачным подвижным чертам зловещее выражение. Многих, кто видел его, отталкивала эта «мефистофельская» физиономия.

Забываясь о том, чтобы поддержать за пределами Советской России свою репутацию, Троцкий ничего не оставлял на волю случая. Он любил цитировать слова французского анархиста Прудона: «Судьба – я смеюсь над ней; что касается людей, они слишком невежественны и поработены, чтобы вызывать у меня раздражение». Однако, прежде чем дать интервью важным посетителям, Троцкий тщательно репетировал свою роль и заучивал перед зеркалом в спальне соответствующие жесты. Журналисты, посещавшие Принцевы острова, должны были приносить свои статьи Троцкому на предварительный просмотр. В своих беседах Троцкий изливал нескончаемый поток догматических утверждений и антисоветской брани, подчеркивая каждую фразу и жест театральными приемами митингового оратора.

Уинстон Черчилль, все еще проявлявший горячий интерес к антисоветской кампании во всем мире и во всех ее фазах, написал специальный очерк об изгнаннике на Принцевых

островах. «Троцкий мне никогда не нравился», – заявил Черчилль в 1944 г. Но азартность Троцкого как заговорщика и дьявольская энергия импонировали авантюристическому темпераменту Черчилля. Характеризуя цели международного заговора Троцкого с момента, когда тот покинул советскую землю, Черчилль писал в «Великих современниках»: «Троцкий... стремится мобилизовать всех подонков Европы для борьбы с русской армией».

Американский корреспондент Джон Гюнтер посетил штаб-квартиру Троцкого на Принцевых островах. Он беседовал с Троцким и с рядом его русских и европейских приверженцев.

Гюнтер писал: «Троцкистское движение возникло в большей части Европы. В каждой стране есть ячейка троцкистских агитаторов. Они получают директивы непосредственно с Принцевых островов. Различные группы поддерживают между собой известного рода связь через свои издания и обращения, но главным образом путем частной переписки. Отдельные центральные комитеты связаны с международным центром в Берлине».

Гюнтер попытался заставить Троцкого высказаться о его «четвертом интернационале», чего он добивается и что делает. Троцкий уклонился от разговора. Но как-то в порыве экспансивности он показал Гюнтеру несколько бутафорских книг, в которых прятались, а затем перевозились секретные документы. Он сообщил также, что имеет последователей и сторонников среди влиятельных лиц в Соединенных Штатах. Далее он говорил о троцкистских ячейках, организованных во Франции, Норвегии и Чехословакии. «Их деятельность, – сказал он Гюнтеру, – „полулегальна“...»

«Для Троцкого, – писал Гюнтер, – Россия потеряна, по крайней мере на время...» Главная цель Троцкого – «продержаться, а тем временем со всей энергией неустанно совершенствовать свою противокommунистическую организацию за рубежом».

* * *

В течение 1930–1931 гг. Троцкий развернул с Принцевых островов совершенно необычную кампанию антисоветской пропаганды. Это была пропаганда совсем нового типа – несравненно более тонкая и сбивающая с толку в гораздо большей степени, чем все, что изобреталось в прошлом крестоносцами антибольшевизма.

Времена переменялись. После великого кризиса весь мир был революционно настроен в том смысле, что он не хотел возвращения старых порядков, принесших столько нищеты и страданий. Первая фашистская контрреволюция – в Италии – не без успеха изображалась ее организатором, бывшим социалистом Бенито Муссолини, как «итальянская революция». В Германии нацисты создавали себе массовую базу не только вербовкой антибольшевистских и реакционных сил, но и потому, что выступали перед немецкими рабочими и крестьянами под маской «национал-социалистов». Еще задолго до этого – в 1903 г. – Троцкий ловко оперировал приемом – по выражению Ленина – «ультрареволюционной фразы», «которая ему ничего не стоит».

Ныне – уже во всемирном масштабе – Троцкий стал совершенствовать технику пропаганды, применявшуюся им вначале против Ленина и большевистской партии. В бесчисленных «ультралевых» и сугубо радикальных по тону статьях, книгах, брошюрах и речах Троцкий нападал на советский режим, призывая к его насильственному свержению, но не потому, что этот режим революционен, а потому, что он, по терминологии Троцкого, стал «контрреволюционным» и «реакционным».

И вот, словно по мановению жезла, многие крестоносцы антибольшевистского похода оставили свою доморощенную, открыто контрреволюционную и монархическую линию пропаганды и перешли к применению новой, «обтекаемой», троцкистской тактики нападения на русскую революцию «слева».

Первым крупным пропагандистским выступлением Троцкого, введшим эту новую анти-советскую линию в обиход международной контрреволюции, было опубликование его мелодраматической, полувывымышленной автобиографии «Моя жизнь». Эта книга, сначала печатавшаяся в виде серии антисоветских статей в европейских и американских газетах, ставила себе задачей очернить Сталина и Советский Союз, увеличить престиж троцкистского движения и раздуть легенду о Троцком как о «мировом революционере». В «Моей жизни» Троцкий выдавал себя за вдохновителя и организатора русской революции, которого его противники лишили принадлежащего ему положения лидера России.

Антисоветские агенты и пресса тотчас же подняли рекламную шумиху вокруг книги Троцкого, объявив ее сенсационным боевиком, раскрывающим закулисную «правду» о русской революции.

Адольф Гитлер прочитал автобиографию Троцкого сразу же по ее выходе. Биограф Гитлера Конрад Гейден рассказывает в своей книге «Дер фюрер», что Гитлер в 1930 г. изумил кружок своих друзей неумеренными похвалами «Моей жизни». «Блестяще! – кричал Гитлер своим собеседникам, размахивая перед ними томиком Троцкого. – Меня эта книга научила многому, и вас она может научить».

Книга Троцкого стала вскоре учебным пособием для всякого рода антисоветских агентур. Она была воспринята как основное руководство по антисоветской пропаганде. Японская тайная полиция использовала ее в качестве принудительного чтения для заключенных в тюрьмы японских и китайских коммунистов, рассчитывая таким образом сломить их боевой дух. Гестапо аналогичным образом использовало эту книгу.

* * *

«Моя жизнь» была лишь первым залпом в развернутой Троцким широкой кампании антисоветской пропаганды. За ней последовало бесчисленное множество других антисоветских книг, брошюр и статей, из которых многие сначала публиковались под кричащими заголовками в реакционных газетах Европы и Америки. «Бюро» Троцкого наводнило мировую антисоветскую прессу потоком клеветнических «разоблачений», «обвинений» и «закулисных историй», состряпанных сомнительными «очевидцами».

Для внутреннего потребления в Советском Союзе Троцкий издавал официальный «Бюллетень оппозиции», печатавшийся за границей, сначала в Турции, а затем в Германии, Франции, Норвегии и других странах, и контрабандным путем ввозившийся в Россию секретными троцкистскими курьерами. «Бюллетень» не предназначался для советских масс. Он был рассчитан на дипломатов, государственных служащих, военных и интеллигентов, некогда следовавших за Троцким или склонных подчиниться его влиянию. «Бюллетень» содержал также директивы для пропагандистской работы троцкистов в России и за границей. Из номера в номер «Бюллетень» рисовал страшные картины грядущего краха советского режима, предсказывая кризис в промышленности, возобновление гражданской войны и разгром Красной армии при первом же нападении извне. «Бюллетень» умело спекулировал на сомнениях и тревогах, порожденных периодом строительства в сознании неустойчивых, растерявшихся и недовольных элементов.

«Бюллетень» открыто призывал эти элементы к актам вредительства и насилия против советского правительства.

Вот несколько типичных образчиков антисоветской пропаганды и призывов к насильственному свержению советского режима, которые Троцкий распространял во всем мире в годы, последовавшие за его высылкой из СССР:

«Первое же социальное потрясение, внешнее или внутреннее, может ввергнуть распадающееся советское общество в гражданскую войну. („Советский Союз и четвертый интернационал“, 1933 г.).

Политические кризисы ведут к всеобщему кризису, который уже надвигается. („Убийство Кирова“, 1935 г.).

Можем ли мы ожидать, что Советский Союз выйдет без поражения из грядущей большой войны? На столь прямо поставленный вопрос мы ответим не менее прямо: если война останется только войной – поражение Советского Союза будет неизбежным. В техническом, экономическом и военном отношении империализм несравненно сильнее. Если его не парализует революция на Западе, империализм сметет нынешний режим. (Статья в „Америкэн меркьюри“, март 1937 г.).

Поражение Советского Союза неизбежно, если новая война не вызовет новую революцию... Если теоретически допустить возможность войны без революции, то поражение Советского Союза неизбежно. (Из показаний на процессе в Мехико, апрель 1937 г.).»

* * *

С того момента как Троцкий оставил русскую землю, агенты иностранных разведок стремились установить с ним связь и использовать его международную антисоветскую организацию. Польская Дефензива, фашистская ОБРА в Италии, финская военная разведка, белоэмигранты, руководившие антисоветской секретной службой в Румынии, Югославии и Венгрии, и реакционные элементы в английской Интеллидженс сервис и французском Дезьем бюро (Второе бюро) готовы были ради достижения своих целей вступить в сделку с заклятым врагом России. Денежные средства, специальные помощники, целая сеть шпионов и курьеров – все это было к услугам Троцкого, для того чтобы он мог расширить свою международную деятельность по части антисоветской пропаганды и укрепить и реорганизовать свой конспиративный аппарат в Советской России.

Самым важным фактором было нараставшее сближение Троцкого с германской военной разведкой (отделение III Б), которая под руководством полковника Вальтера Николаи уже сотрудничала с приобретающими все большее влияние органами, подведомственными Генриху Гиммлеру.

До 1930 г. агент Троцкого Крестинский получил от германского рейхсвера приблизительно 2 млн золотых марок на финансирование троцкистской деятельности в Советской России в обмен на шпионские сведения, предоставленные троцкистами германской военной разведке. Впоследствии Крестинский показал: «Начиная с 1923 по 1930 г. мы получали каждый год по 250 тыс. германских марок золотой валютой. Примерно 2 миллиона золотых марок... До конца 1927 г. выполнение этого соглашения шло главным образом в Москве. Затем, с конца 1927 г. почти до конца 1928 г., в течение примерно десяти месяцев, был перерыв в получении денег, потому что после разгрома троцкизма я был изолирован, не знал планов Троцкого, не получал от него никакой информации и указаний... Так продолжалось до октября 1928 г., когда я получил от Троцкого, который в то время был в ссылке, из Алма-Аты письмо... В этом письме содержалось указание Троцкого о получении немецких денег, которые он предлагал передать или Маслову, или французским друзьям Троцкого, то есть Росмеру, Мадлене Паз и другим.

Я обратился к генералу Секту. Он был к этому времени уже в отставке и не занимал никаких постов... Он вызвался переговорить с Гаммерштейном и получить деньги. Деньги

он получил... Гаммерштейн был в тот период начальником штаба рейхсвера, а с 1930 г. стал командующим рейхсвером».

В 1930 г. Крестинский был назначен заместителем комиссара иностранных дел и переведен из Берлина в Москву. Его отъезд из Германии, наряду с внутренним кризисом, который тогда происходил в рейхсвере в результате усиливавшегося влияния нацизма, снова задержал на время поступление немецких денег к Троцкому. Но Троцкий в этот период был уже накануне заключения нового, расширенного соглашения с германской военной разведкой.

За несколько месяцев до того Троцкий написал брошюру, озаглавленную «Германия – ключ к международному положению». Сто семь нацистских депутатов были избраны в рейхстаг. Нацистская партия получила 6400 тыс. голосов. Когда Седов приехал в Берлин, над немецкой столицей нависла атмосфера лихорадочного ожидания и напряжения. По берлинским улицам маршировали колонны штурмовиков в коричневых рубашках; распевая «Хорст Вессель», они врываются в дома и клубы немецких рабочих и либеральных деятелей. Нацисты торжествовали. «Еще никогда, – писал Адольф Гитлер на страницах „Фелькишер беобахтер“, – я не был в таком хорошем расположении духа и не испытывал такого внутреннего удовлетворения, как в эти дни».

Официально Германия все еще была демократической. Торговые отношения между Германией и Советской Россией достигли высшей точки своего развития. Советское правительство закупало машины у немецких фирм. Немецкие техники приглашались на ответственные должности в советских горных предприятиях и работали в области электрификации. Советские инженеры ездили в Германию. Советские торговые представители и агенты по закупкам и коммерческим операциям непрерывно курсировали между Москвой и Берлином по заданиям, связанным с выполнением пятилетнего плана. Некоторые из этих советских граждан были сторонниками или бывшими последователями Троцкого.

* * *

В течение 1932 г. будущая пятая колонна России начала принимать конкретные очертания в подпольном мире оппозиции. На узких совещаниях и тайных конференциях участники заговора знакомились с новой линией и получали инструкции, связанные с новыми задачами. В Советской России создавалась сеть террористических и вредительских ячеек и система курьерской связи. В Москве и Ленинграде, на Кавказе и в Сибири, в Донбассе и на Урале троцкистские организаторы выступали на пестрых по составу тайных сборищах заклятых врагов советского строя: эсеров, меньшевиков, «левых», «правых», националистов, анархистов и белогвардейцев – фашистов и монархистов. Письмо Троцкого распространялось в этом бурлящем подпольном мирке оппозиционеров, шпионов и тайных агентов; готовилось новое наступление против советского строя.

Настойчивые требования Троцкого о подготовке террористических актов вначале встревожили кое-кого из троцкистских интеллигентов старшего поколения. Журналист Карл Радек проявил признаки паники, когда Пятаков ознакомил его с новой линией. В феврале 1932 г. Радек получил от Троцкого письмо, доставленное, как и вся троцкистская переписка секретного характера, тайным курьером.

Троцкий писал своему колеблющемуся стороннику Радеку: «Вы должны учесть опыт предыдущего периода и понимать, что нет у вас возврата к старому, что борьба вошла в новый фазис и что новое в этом фазисе состоит в том, что или мы будем уничтожены вместе с Советским Союзом, или надо поставить вопрос об устранении руководства».

Письмо Троцкого и настояния Пятакова в конце концов убедили Радека. Он согласился следовать новой линии – линии террора, вредительства и сотрудничества с «иностранными державами».

В числе наиболее активных организаторов террористических ячеек, создававшихся в Советском Союзе, были Иван Смирнов и его старые товарищи по гвардии Троцкого – Сергей Мрачковский и Эфраим Дрейцер.

Под руководством Смирнова Мрачковский и Дрейцер приступили к формированию небольших групп боевиков-террористов из своих бывших сотоварищей со времен гражданской войны – троцкистов, готовых применять насильственные методы.

Одной из таких террористических групп в Москве Мрачковский заявил в 1932 г.:

– Надежды на крах политики партии надо считать обреченными. До сих пор применявшиеся средства борьбы не дали положительных результатов. Остался единственный путь борьбы – это путь насильственного устранения руководства партии и правительства... Надо убрать Сталина и других руководителей партии и правительства. В этом главная задача.

Тем временем Пятаков подбирал кадры заговорщиков среди лиц, занимавших ведущие посты, главным образом в военной промышленности и на транспорте, вербуя их для участия в решительной кампании вредительства, которую Троцкий намеревался развернуть.

Летом 1932 г. между Пятаковым, как заместителем Троцкого в России, и Бухариным, лидером правой оппозиции, велись переговоры о соглашении, с тем чтобы ликвидировать на время бывшее соперничество и разногласия и работать совместно под верховным руководством Троцкого. Меньшая по численности группа, возглавлявшаяся ветеранами оппозиции Зиновьевым и Каменевым, согласилась подчинить свою деятельность авторитету Троцкого. Касаясь этих переговоров, Бухарин впоследствии показал на суде: «Я разговаривал с Пятаковым, Томским и Рыковым. Рыков разговаривал с Каменевым, а Зиновьев с Пятаковым.

Летом в 1932 г. я второй раз разговаривал в Наркомтяжпроме с Пятаковым. Разговаривать тогда мне было очень просто, так как я работал под руководством Пятакова. Он тогда был моим хозяином. Я должен был по делам заходить к нему в кабинет, не вызывая никаких подозрений... Пятаков рассказал, что в беседе, которая происходила летом 1932 г., о встрече с Седовым относительно установки Троцкого на террор... Мы решили, что очень быстро найдем общий язык и что разногласия в борьбе против Советской России будут изжиты».

Окончательные переговоры завершились осенью на тайном совещании, организованном на пустой даче в окрестностях Москвы. Вокруг дачи и по прилегающим к ней дорогам заговорщики расставили часовых во избежание неожиданностей и для сохранения абсолютной тайны. На этом совещании было сформировано нечто вроде верховного командования объединенных сил оппозиции для руководства организацией террора и вредительства в Советском Союзе. Это верховное командование оппозиции получило наименование «правотроцкистского блока». Оно состояло из трех различных пластов или слоев. В случае провала одного из них остальные должны были продолжать работу.

Первый слой, троцкистско-зиновьевский террористический центр во главе с Зиновьевым, отвечал за организацию и руководство террором.

Второй слой, троцкистский параллельный центр во главе с Пятаковым, отвечал за организацию вредительства и руководство им.

Третий и самый важный слой, фактический «правотроцкистский блок» во главе с Бухариным и Крестинским, включал большую часть лидеров и руководящих представителей объединенных сил оппозиции.

Весь этот аппарат состоял всего лишь из немногих тысяч членов и двадцати или тридцати руководителей, занимавших ответственные посты в армии, ведомстве иностранных дел, органах государственной безопасности, в промышленности, в профсоюзных, партийных и правительственных учреждениях.

* * *

С первых же дней правотроцкистский блок был насыщен платными агентами иностранных разведок, в особенности германской военной разведки, и находился под их руководством. Вот некоторые из иностранных агентов, занимавшие руководящее положение в новом блоке заговорщиков.

Николай Крестинский, троцкист, заместитель комиссара по иностранным делам, был агентом германской военной разведки с 1923 г., когда он впервые согласился выполнять шпионские задания генерала Ганса фон Секта.

Аркадий Розенгольц, троцкист, народный комиссар внешней торговли, выполнял шпионские задания германского верховного командования с 1923 г. Впоследствии сам Розенгольц показал: «... Моя шпионская деятельность началась еще в 1923 г., когда по директиве Троцкого я передал ряд секретных данных в рейхсвер Секту и начальнику немецкого генштаба Хассе». В 1926 г. Розенгольц начал работать для английской военной разведки, сохраняя связь с Германией.

Христиан Раковский, троцкист, бывший посол в Англии и Франции, агент Интеллидженс сервис с 1924 г. Раковский показал: «Я установил преступные связи с британской Интеллидженс сервис в 1924 г.». В 1934 г. Раковский стал также агентом японской разведки.

Станислав Ратайчак, троцкист, начальник главного управления химической промышленности, агент германской военной разведки, был направлен немцами в Россию вскоре после революции. Осуществлял шпионскую и вредительскую деятельность в промышленности, создававшейся советским правительством на Урале.

Иван Граше, троцкист, служащий советской химической промышленности, приехал в Россию в 1919 г. под видом возвращающегося на родину военнопленного; был агентом чехословацкой, а затем германской разведки.

Алексей Шестов, троцкист, член правления треста Кузнецкуголь. Стал агентом германской разведки в 1931 г., выполнял ее задания через посредство германской фирмы «Фрейлих – Клюпфель – Дейльман» и осуществлял шпионско-вредительские акты в Сибири.

Гаврила Пушин, троцкист, служащий химических предприятий в Горловке. Стал агентом германской военной разведки в 1935 г. Как он впоследствии сообщил советским властям в своих показаниях, он передал немцам: «1) данные о выработке на всех химических предприятиях Союза за весь 1934 год, 2) программу работ всех химических предприятий Союза на 1935 год, 3) план строительства азотных комбинатов, в котором были предусмотрены строительные работы, кончая 1938 годом».

Яков Лившиц, троцкист, крупное должностное лицо дальневосточного ж.-д. ведомства, был агентом японской военной разведки и аккуратно передавал Японии секретную информацию о советских железных дорогах.

Иван Князев, троцкист, служащий уральской железнодорожной системы, агент японской разведки. Под ее контролем осуществлял вредительскую деятельность на Урале и снабжал японское военное командование информацией о советском транспорте.

Иосиф Турок, троцкист, заместитель начальника службы движения Пермско-Уральской железной дороги, агент японской разведки. В 1935 г. получил от японцев тридцать пять тысяч рублей за выполнение шпионских и вредительских заданий на Урале.

Михаил Чернов, правый, народный комиссар земледелия СССР, агент германской военной разведки с 1928 г. По заданиям немцев Чернов осуществлял на Украине вредительство в крупном масштабе, так же как и задания по шпионажу.

Василий Шарангович, правый, секретарь Центрального комитета коммунистической партии Белоруссии, в 1921 г. был направлен как польский шпион в Советскую Россию. В следу-

ющие годы продолжал работать под наблюдением польской разведки, снабжая ее шпионскими сведениями и осуществляя вредительскую деятельность в Белоруссии.

Григорий Гринько, правый, народный комиссар финансов. Агент германской и польской разведок с 1932 г. Был руководителем фашистского украинского националистического движения, способствовал контрабандной доставке оружия и военного снаряжения в Советский Союз и осуществлял шпионскую и вредительскую деятельность по заданиям немцев и поляков.

Конспиративный аппарат троцкистов, правых и зиновьевцев и являлся фактически пятой колонной держав оси в Советской России.

* * *

В сентябре 1933 г., через восемь месяцев после того, как Адольф Гитлер стал диктатором Германии, дипломат-троцкист и немецкий агент Николай Крестинский остановился на несколько дней в Берлине по пути в Киссинген, где он каждый год «отдыхал и лечился». Крестинский занимал тогда пост заместителя комиссара по иностранным делам.

В Берлине, в советском посольстве, Крестинский встретился с троцкистским связистом Сергеем Бессоновым. В большом волнении Крестинский информировал Бессонова насчет того «зондажа», который в то время в троцкистских кругах «произвел руководитель внешнеполитического отдела национал-социалистической партии Германии Розенберг по вопросу о возможности тайного соглашения между национал-социалистами в Германии и русскими троцкистами».

Крестинский заявил Бессонову, что он должен повидать Троцкого. Эту встречу необходимо устроить во что бы то ни стало. Крестинский пробудет в киссингенском санатории до конца ноября, а затем отправится в Меран, в Итальянский Тироль. Приняв должные меры предосторожности, Троцкий может встретиться с ним в любом из этих пунктов.

Встреча состоялась. На второй неделе октября 1933 г. Лев Троцкий в сопровождении своего сына Седова с фальшивым паспортом переправился через франко-итальянскую границу и встретился с Крестинским в отеле «Бавария» в Меране.

На состоявшемся совещании были рассмотрены почти все важнейшие вопросы, связанные с будущим развитием заговора в Советской России. Троцкий начал с недвусмысленного заявления, что «захват власти в России может быть осуществлен только силой». Но организация заговорщиков сама по себе недостаточно сильна, чтобы произвести переворот и удержаться у власти без помощи извне. Поэтому существенно важно добиться конкретного соглашения с иностранными государствами, заинтересованными в оказании помощи троцкистам против советского правительства.

Троцкий далее сказал Крестинскому:

– Зачаточным соглашением такого рода является наше соглашение с рейхсвером, но это соглашение ни в какой мере не удовлетворяет ни троцкистов, ни немецкую сторону по двум причинам. Во-первых, нашим контрагентом в этом деле является только рейхсвер, а не германское правительство в целом...

– Второе. В чем сущность соглашения с рейхсвером? Мы получаем небольшую сумму денег, а они получают шпионскую информацию, которая им будет необходима при военном нападении. Но ведь германскому правительству, в частности Гитлеру, нужны колонии, территории, а не только шпионская информация. И он готов вместо колоний, за которые надо драться с Англией, Америкой и Францией, удовлетвориться территорией Советского Союза. А нам нужны не 250 тысяч золотых марок, нам нужны германские вооруженные силы, для того чтобы при их помощи прийти к власти, и в этом направлении нужно вести работу.

– Прежде всего, – продолжал Троцкий, – необходимо достигнуть соглашения с германским правительством.

Что касается японцев, то Троцкий говорил о них как «о силе, с которой необходимо договориться». Поэтому русские троцкисты должны начать «зондировать» японских представителей в Москве. «Для этого, – инструктировал Троцкий Крестинского, – надо использовать Сокольников, который работает в Наркоминделе и как раз занимается восточными делами...»

Продолжая инструктировать Крестинского о внутренней организации конспиративного аппарата в России, Троцкий сказал:

– Но ведь если даже произойдет нападение, скажем, Германии на Советский Союз, это еще не даст возможности захватить аппарат власти, если у нас не будут подготовлены известные внутренние силы... Необходимо иметь оплот и в городе, и в деревне, у мелкой буржуазии и у кулаков, а там связи имеют главным образом правые. Необходимо иметь, наконец, опору, организацию в Красной армии, среди командиров, чтобы соединенными усилиями в нужный момент захватить важнейшие пункты и прийти к власти, заменить нынешнее правительство, которое должно быть арестовано, и посадить на его место свое собственное правительство, заранее подготовленное.

* * *

По своем возвращении в Россию Крестинский должен был войти в соприкосновение с генералом Тухачевским, заместителем начальника штаба Красной армии, которого Троцкий охарактеризовал как «человека бонапартистского типа, авантюриста, честолюбца, стремящегося играть не только военную, но и военно-политическую роль, который несомненно с нами пойдет».

Последователи Троцкого в России должны были оказать всяческую поддержку генералу Тухачевскому, но в то же время расставить на стратегически важных местах своих людей, чтобы в момент переворота честолюбивый Тухачевский не мог без помощи Троцкого подчинить своему контролю новое правительство.

К концу совещания Троцкий дал Крестинскому особое указание о проведении кампании террора и вредительства в Советской России. Троцкий заявил, что диверсионные акты и террористические акты надо рассматривать с двух точек зрения: во-первых, «... под углом зрения применения их во время войны и для дезорганизации обороны Красной армии, для дезорганизации правительства к моменту переворота...» «Во-вторых, – сказал Троцкий, – надо помнить, что эти акты давали бы ему, Троцкому, большую устойчивость и уверенность в переговорах с иностранными правительствами, ибо он мог бы ссылаться на то, что его сторонники в Советском Союзе и достаточно сильны, и достаточно активны».

Вернувшись в Москву, Крестинский на секретном совещании русских троцкистов сделал подробный отчет о своей встрече с Троцким. Некоторые из заговорщиков, в особенности Карл Радек, предполагаемый «министр иностранных дел» Троцкого, были уязвлены тем, что Троцкий вступил на путь столь важных переговоров без предварительной консультации с ними.

Ознакомившись с докладом Крестинского, Радек послал Троцкому специальное письмо с просьбой о «более подробном разъяснении вопроса внешней политики».

Несколько недель спустя ответ Троцкого из Франции был вручен Радеку Владимиром Роммом, заграничным корреспондентом ТАСС, молодым человеком, выполнявшим функции троцкистского курьера. Ромм получил это письмо от Троцкого в Париже и доставил его в Россию заделанным в обложку популярного советского романа «Цусима». Впоследствии Радек сообщил следующее о содержании этого письма: «Троцкий ставил вопрос так: приход к власти фашизма в Германии коренным образом меняет всю обстановку. Он означает войну в ближайшей перспективе, войну неизбежную, тем более что одновременно обостряется положение на Дальнем Востоке. Троцкий не сомневается, что эта война приведет к поражению Советского Союза. Это поражение, писал он, создаст реальную обстановку для прихода к власти блока...

Троцкий указал в этом письме, что он установил контакт с неким дальневосточным и неким среднеевропейским государствами и что официозным кругам этих государств он открыто сказал, что блок стоит на почве сделки с ними и готов на значительные уступки и экономического, и территориального характера».

В этом же письме Троцкий извещал Радека, что в ближайшем будущем с русскими троцкистами, работающими на дипломатических постах, войдут в соприкосновение некоторые иностранные представители и что в этом случае дипломаты-троцкисты должны будут подтвердить свою лояльность по отношению к Троцкому и заверить иностранных представителей, что они всецело его поддерживают.

* * *

Между тем паутина измены уже оплела различные звенья советского дипломатического корпуса. Послы, секретари, атташе и младшие консульские агенты были вовлечены в сеть заговора не только в Европе, но и на Дальнем Востоке...

В заговоре принимал участие и советский посол в Японии. Фамилия его была Юренев. Он был тайным троцкистом с 1926 г. По указанию Троцкого он установил связь с японской разведкой. В установлении этого контакта с Японией Юреневу помогал старый друг Троцкого Христиан Раковский, бывший посол в Англии и Франции. К этому времени Раковский уже не занимал важных постов в советском ведомстве иностранных дел. Он работал в различных комиссиях по общественному здравоохранению. Но все же среди участников подпольного заговора он оставался крупной фигурой.

В сентябре 1934 г. Раковский в составе советской делегации выехал в Японию на международную конференцию обществ Красного Креста, которая должна была состояться в Токио в октябре. Перед отъездом в Японию Раковский получил из Наркомтяжпрома конверт на свое имя. Конверт был от Пятакова и содержал письмо, которое Раковский должен был передать послу Юреневу в Токио. Предлогом к написанию письма была обычная просьба о присылке обычной экономической информации. Но на оборотной стороне письма были приписаны симпатическими чернилами адресованные Юреневу строки, извещавшие, что Раковский должен быть использован для переговоров с японцами.

Через день после приезда Раковского в Токио с ним установил контакт один из японских агентов. Эта встреча произошла в коридоре здания японского Красного Креста в Токио. Раковскому было сказано, что цели русского троцкистского движения «вполне совпадают» с целями японского правительства. Японский агент добавил, что для японского правительства чрезвычайно важно знать оценку Раковским «внутреннего политического положения Союза». В тот же вечер Раковский рассказал Юреневу о своем разговоре с японским агентом.

– Я сказал Юреневу, что тут речь идет о привлечении меня в качестве шпиона, информатора японского правительства, – рассказал он на процессе.

– Нечего колебаться, – отвечал посол-троцкист, – жребий брошен.

Несколько дней спустя Раковский ужинал с одним из высокопоставленных представителей японской разведки. Японский офицер начал беседу напрямик:

– Нам известно, что вы являетесь ближайшим другом и единомышленником господина Троцкого. Я должен вас попросить, чтобы вы ему написали, что наше правительство недовольно его статьями по китайскому вопросу, а также поведением китайских троцкистов. Мы вправе ожидать от господина Троцкого иной линии поведения. Господин Троцкий сам должен понимать, что является необходимым для нашего правительства. Входить в подробности не нужно, но ясно, что вызвать инцидент в Китае явилось бы желательным поводом, для того чтобы можно было вмешаться в китайские дела.

Затем японский офицер изложил Раковскому, какого рода секретную информацию японское правительство хотело бы получить от русских троцкистов: данные о состоянии колхозов, железных дорог, шахт и промышленных предприятий, главным образом в восточных районах СССР. Раковскому сообщили различные коды и шпионские клички для пользования при передаче информации. Было договорено, что доктор Найда, секретарь делегации Красного Креста, явится связным между Раковским и японской разведкой.

Перед отъездом из Токио у Раковского происходила прощальная беседа с Юрневым. Посол-троцкист был в подавленном состоянии. С мрачным видом он сказал:

– Мы очутились в таком переплете, что иногда не знаешь, как себя вести. Боишься, как бы, удовлетворив одного из наших контрагентов, не обидеть другого. Вот теперь, например, возникает антагонизм между Англией и Японией в китайском вопросе, а нам приходится иметь связь и с английской, и с японской разведкой... Мне приходится вот в этом всем ориентироваться...

Раковский ответил ему:

– Нам, троцкистам, приходится играть в данный момент тремя картами: немецкой, японской и английской... То, что мы делаем, является политикой ва-банк, все за все. Но когда авантюра удастся, авантюристов называют великими государственными людьми.

* * *

В то время как русские заговорщики закрепляли свои изменнические связи с представителями Германии и Японии, готовилась и другая фаза тайного наступления на советское правительство. К измене присоединился террор...

В апреле 1934 г. в кабинет начальника важного по своему значению строительства кузнецких угольных шахт в Сибири вошел инженер Бояршинов. Он пришел сообщить, что на его участке творится что-то неладное. Слишком много несчастных случаев, подземных пожаров, порчи механизмов. Бояршинов подозревал вредительство.

Начальник строительства поблагодарил Бояршинова за информацию и сказал: «Кому нужно, я сообщу, а вы пока молчите».

Начальником строительства был Алексей Шестов, немецкий шпион и главный организатор троцкистского вредительства в Сибири.

Через несколько дней Бояршинов был найден мертвым в овраге. Когда он возвращался домой с работы, на пустынном участке дороги его задавил мчавшийся с большой скоростью грузовик. Шофером грузовика был профессиональный террорист Черепухин. Шестов поручил ему убить Бояршинова и заплатил ему за это 15 тыс. рублей.

В сентябре 1934 г. председатель Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотов, совершавший инспекционную поездку по горнорудным и промышленным районам страны, прибыл в Сибирь. Когда Молотов возвращался после поездки на одну из шахт Кузнецкого угольного бассейна, машина, в которой он ехал, внезапно свернула с дороги, покатилась с крутой насыпи и остановилась на самом краю крутого оврага. Молотов и его спутники, отделавшись ушибами и синяками, выбрались из-под опрокинувшейся машины. Они чудом избежали смерти.

Машиной управлял Валентин Арнольд, начальник местного гаража. Арнольд был членом троцкистской террористической организации. Шестов дал ему задание убить Молотова, и Арнольд преднамеренно на полном ходу свернул с дороги. Попытка не удалась лишь потому, что в последнюю минуту Арнольд потерял самообладание и замедлил ход при приближении к насыпи, где по плану должен был произойти «несчастный случай».

* * *

К осени 1934 г. троцкистские и правые террористические группы действовали по всему Советскому Союзу. В состав этих террористических групп входили бывшие эсеры, меньшевики, профессиональные убийцы и бывшие агенты царской охраны. На Украине и в Белоруссии, в Грузии и Армении, в Узбекистане, Азербайджане и в Приморской области на Дальнем Востоке в террористический аппарат вербовались антисоветски настроенные националисты. Во многих местах операциями этих групп непосредственно руководили нацистские и японские агенты.

Был составлен список советских вождей, которых намечалось убить. Во главе списка стояло имя Иосифа Сталина. Далее следовали имена Климентия Ворошилова, Вячеслава Молотова, Сергея Кирова, Лазаря Кагановича, Андрея Жданова, Вячеслава Менжинского, Максима Горького и Валериана Куйбышева.

Террористы периодически получали от Троцкого письма, подчеркивавшие безотлагательность устранения советских лидеров. В октябре 1934 г. одно из таких писем было получено бывшим телохранителем Троцкого Эфраимом Дрейцером. Письмо было написано симпатическими чернилами на полях немецкого киножурнала. Оно было доставлено Дрейцеру его сестрой, которая получила этот журнал от троцкистского курьера в Варшаве. Письмо Троцкого к Дрейцеру гласило:

«Дорогой друг. Передайте, что на сегодняшний день перед нами стоят следующие основные задачи:

1. Убрать Сталина и Ворошилова.
2. Развернуть работу по организации ячеек в армии.
3. В случае войны использовать всякие неудачи и замешательство для захвата руководства».

Письмо было подписано «Старик»: такова была зашифрованная подпись Троцкого.

Заговорщикам удалось после длительных наблюдений проследить маршрут, которым обычно пользовался в Москве народный комиссар обороны Ворошилов. Три террориста, вооруженных револьверами, в течение многих дней дежурили на улице Фрунзе, где обычно следовал автомобиль Ворошилова. Но машина шла на такой большой скорости, что террористы, как один из них признал впоследствии, «сочли бесполезным стрелять в нее».

Несколько покушений на жизнь Сталина также окончились неудачей.

Троцкистскому террористу, которому было поручено убить Сталина на одной важной партийной конференции в Москве, удалось проникнуть в зал заседания, но он не смог подойти на достаточно близкое расстояние к советскому вождю, чтобы воспользоваться своим револьвером. В другой раз террористы стреляли в Сталина, когда он проезжал в моторной лодке у побережья Черного моря, но промахнулись.

Когда террорист Иван Бакаев сообщил о неудавшемся покушении на Сталина, Лев Каменев сказал:

– Жаль, но будем надеяться, что в следующий раз будет удачнее.

* * *

Троцкистско-зиновьевский террористический центр готовился нанести советскому правительству свой первый сильный удар. Этим первым ударом было убийство Сергея Кирова, секретаря Ленинградского областного комитета партии и одного из ближайших соратников Сталина.

В начале ноября 1934 г. Зиновьев, находившийся в Москве, послал своего подручного Бакаева в Ленинград проверить организацию террористических ячеек в этом городе.

Ленинградские террористы, делавшие безуспешные попытки проникнуть к Кирову, были не особенно довольны приездом эмиссара Зиновьева. «Что же, Григорий Евсеевич (Зиновьев), – сказал один из боевиков Бакаеву, – не верит... посылает сюда проверять наши настроения и нашу работу – ну что ж, мы люди не гордые...»

На совещании представителей ленинградских террористических ячеек, на котором присутствовали семь террористов, Бакаева ознакомили с положением дел. Ему сообщили, что установлено регулярное наблюдение за Кировым на всем пути от его дома до места работы в Смольном институте. Бакаева познакомили с человеком, которому было поручено убийство: это был Леонид Николаев, бледный, худощавый человек тридцати лет, бывший бухгалтер, снятый с работы за подлог в отчетности и исключенный из партии за политическую неблагонадежность.

Николаев сказал Бакаеву, что он предполагает стрелять в Кирова либо вблизи квартиры последнего, либо в Смольном институте. Он добавил, что старался попасть на прием к Кирову, но его не приняли.

Бакаев повторил инструкции, которые Зиновьев дал ему в Москве: «Главная практическая задача заключается в том, чтобы построить террористическую работу так конспиративно, чтобы никоим образом не скомпрометировать себя...»

На следствии главное – это упорно отрицать какую-либо связь с организацией. При обвинении в террористической деятельности категорическим образом отрицать это, аргументируя несовместимостью террора с взглядами большевиков-марксистов».

Зиновьев остался доволен положением дел в Ленинграде. Он и Каменев были уверены, что убийство Кирова произойдет в скором времени. Они считали, что этот акт повергнет советское правительство в состояние растерянности и явится сигналом к аналогичным актам против советских лидеров по всей стране. «Головы имеют ту особенность, – заявил Каменев, – что они снова не вырастают».

1 декабря 1934 г. в 4 часа 27 минут дня Сергей Киров вышел из своего кабинета в Смольном институте. Он шел по длинному, украшенному мраморными колоннами коридору, направляясь в комнату, где он должен был сделать доклад по поводу решения ЦК об отмене карточной системы на хлеб. Когда он проходил мимо одного из смежных коридоров, оттуда выбежал человек и выстрелил ему в затылок из револьвера. В 4 часа 30 минут Сергей Киров умер.

Убийцей был Леонид Николаев. Он пытался скрыться, а когда это не удалось, – обратить оружие против самого себя, но был схвачен прежде, чем успел это сделать.

28 декабря 1934 г. Леонид Николаев предстал перед Военной Коллегией Верховного Суда СССР. В своих показаниях он заявил: «Когда я стрелял в Кирова, я рассуждал так: наш выстрел должен явиться сигналом к взрыву, к выступлению внутри страны против ВКП(б) и советской власти».

Военная Коллегия приговорила Николаева к расстрелу.

* * *

Николаев не раскрыл того факта, что Зиновьев, Каменев и другие главарь троцкистско-зиновьевского центра были непосредственно замешаны в покушении на Кирова.

Однако советскому правительству было ясно, что тщательное планирование и подготовка, предшествовавшие убийству, исходили от гораздо более опытной и опасной организации, чем террористическая группа Николаева. Большевицкая партия выделила специального уполномоченного для расследования ленинградского дела.

Через две недели после суда над Николаевым Григорий Зиновьев, Лев Каменев и ряд известных их приверженцев, включая Бакаева, предстали перед ленинградским судом по обви-

нению в соучастии в убийстве Кирова. На суде Зиновьев и Каменев упорно придерживались заранее выработанной линии поведения. Не сознаваясь ни в чем, кроме того, что обнаружило советское правительство в ходе следствия, они симулировали глубокое раскаяние и «признавали», что политически оппозиционная деятельность, в которой они участвовали, «создала атмосферу», благоприятствующую для «антисоветской деятельности». Они признали, что были руководителями «Московского центра» оппозиции и несут «моральную и политическую ответственность» за убийство Кирова, поскольку они возглавляли то подрывное политическое движение, на почве которого было совершено преступление. Но они упорно отрицали свою осведомленность о готовившемся покушении на жизнь Кирова.

– Я привык чувствовать себя руководителем, – заявил Зиновьев, – и, само собой разумеется, я должен был все знать... Злодейское убийство представляет всю предыдущую антипартийную борьбу в таком зловещем свете, что я признаю абсолютную правоту партии, когда она говорит о политической ответственности бывшей антипартийной зиновьевской группы за совершенное убийство.

Каменев вел такую же линию. Он заявил: «Должен сказать, что я по характеру не трус, но я никогда не делал ставку на боевую борьбу. Я всегда ждал, что окажется такое положение, когда ЦК вынужден будет договариваться с нами, потеснится и даст нам место».

Хитрость удалась. Суд не мог установить факта непосредственного участия Зиновьева и Каменева в покушении на Кирова. Они были признаны виновными лишь в преступной антисоветской деятельности. Приговор суда гласил: «Судебное следствие не установило фактов, которые дали бы основание квалифицировать преступления членов „Московского центра“ в связи с убийством 1 декабря 1934 года товарища С. М. Кирова как подстрекательство к этому гнусному преступлению, однако следствие полностью подтвердило, что участники контрреволюционного „Московского центра“ знали о террористических настроениях ленинградской группы и сами разжигали эти настроения...»

За свою заговорщическую деятельность Зиновьев был приговорен к десяти годам заключения, а Каменев – к пяти.

Следствие коснулось лишь поверхности заговора. Среди многих фактов, которые не попали в поле зрения ленинградского суда, наиболее странными были, пожалуй, следующие.

После ареста Зиновьева и Каменева они были доставлены в НКВД четырьмя агентами. Этими агентами были Молчанов, начальник секретного политического отдела НКВД, Паукер, начальник оперативного отдела, Волович, заместитель начальника оперативного отдела, и Буланов, подручный руководителя НКВД.

При аресте Зиновьева и Каменева эти четыре агента НКВД действовали самым необычным образом. Они не только не произвели обыска в квартирах арестованных для выявления уличающих материалов, но фактически позволили Зиновьеву и Каменеву уничтожить ряд компрометирующих документов...

Еще более примечательны некоторые данные об этих четырех агентах НКВД: Молчанов и Буланов сами являлись тайными членами правотроцкистской заговорщической организации, Паукер и Волович были германскими агентами.

Для ареста Зиновьева и Каменева эти люди были специально отобраны наркомом внутренних дел Генрихом Ягодой.

* * *

В мае 1934 г., за полгода до убийства Сергея Мироновича Кирова, скончался от сердечного припадка долго хворавший председатель ОГПУ В. Р. Менжинский. На его место был назначен заместитель председателя ОГПУ Г. Г. Ягода, сорокатрехлетний человек среднего

роста, на вид уравновешенный, деловитый, с убегающим подбородком и подстриженными усами.

За уравновешенной, деловитой внешностью Ягоды скрывались чудовищное честолюбие, жестокость и коварство. Ввиду того, что секретная деятельность правотроцкистского блока все более и более зависела от него, как заместителя председателя ОГПУ, он стал считать себя центральной фигурой и главой всего заговора. Ягода мечтал стать русским Гитлером. Он читал «Майн кампф». «Это действительно стоящая книга», – признавался он своему сообщнику и секретарю Павлу Буланову.

Особенно воодушевляло его, как он сам говорил Буланову, то обстоятельство, что Гитлер «из унтер-офицеров выбрался в такие лица». Ягода сам начал свою карьеру унтер-офицером русской армии.

У Ягоды была собственная концепция государственного строя, который должен быть установлен после свержения Сталина. Новое государство будет создано по образцу нацистской Германии, говорил он Буланову. Сам Ягода станет во главе его; Рыков займет место Сталина в качестве секретаря реорганизованной партии; Томский будет секретарем профсоюзов, которые должны находиться под строгим военным контролем, наподобие нацистских рабочих батальонов; «философ» Бухарин, как называл его Ягода, «будет у него не хуже доктора Геббельса».

Что касается Троцкого, Ягода не был уверен, что разрешит ему вернуться в Россию; это будет зависеть от обстоятельств. А пока что Ягода готов был воспользоваться переговорами Троцкого с Германией и Японией. Вооруженный переворот, по словам Ягоды, должен был быть приурочен к началу войны против Советского Союза.

«Для осуществления этого переворота нужны будут все средства: и вооруженное выступление, и провокация, и даже яды... – говорил Ягода Буланову. – Иногда бывают моменты, когда нужно действовать медленно и чрезвычайно осторожно, а бывают моменты, когда нужно действовать и быстро и внезапно».

* * *

К осени 1935 г. по всему Советскому Союзу активность вредительских групп в стратегически важных пунктах дошла до апогея. На новых предприятиях тяжелой промышленности на Урале, на угольных шахтах Донбасса и Кузбасса, на железных дорогах, на электросиловых станциях и новостройках троцкистские вредители под руководством Пятакова одновременно нанесли важнейшим отраслям советской промышленности ряд тяжелых ударов. Такая же подрывная работа под наблюдением Бухарина и других лидеров правых разворачивалась в колхозах, в кооперативах и государственных промышленных, торговых и финансовых учреждениях.

Вот как сами вредители описывали потом некоторые проведенные ими операции, выполнявшиеся немецкими и японскими агентами вместе с правыми и троцкистами.

Иван Князев, бывший начальник Южно-Уральской железной дороги, троцкист и японский агент: «Задание в части развертывания диверсионно-вредительской работы на транспорте и организации крушений поездов мною было выполнено полностью, так как в этом вопросе задание японской разведки целиком совпадало с заданием, полученным мною несколько раньше от троцкистской организации...»

27 октября 1935 г на Шумихе было организовано крушение воинского поезда № 504... Поезд, шедший с большой скоростью – километров 40–45, – влетел на 8-й путь, на котором стоял маршрут с рудой... Убито 29 красноармейцев. Ранено 29 человек... [Было] 13–15 крушений, непосредственно нами подготовленных...

...Особенно резко ставился японской разведкой вопрос о применении бактериологических средств в момент войны с целью заражения острозаразными бактериями подаваемых под войска эшелонов, а также пунктов питания и санобработки войск...»

Леонид Серебряков, бывший заместитель начальника Цудортранса, троцкист: «Мы... поставили задачу совершенно конкретную и точную: срыв перевозок, уменьшение ежедневной погрузки методом увеличения пробега порожних вагонов, методом снижения заниженных уже до этого норм пробега вагонов и паровозов, путем недоиспользования тяговой силы, мощности паровоза и т. д.

...По предложению Пятакова, ко мне в Цудортранс пришел Лившиц (троцкист, японский агент), он был начальником Южной дороги... Он мне сообщил, что у него на Южной дороге имеется заместитель, Зорин, и что тот сможет развернуть работу... Мы с Лившицем между собой говорили и пришли к выводу, что, помимо действия организаций и в центре и на местах, которые должны вначале внести путаницу и неразбериху в работу транспорта, надо будет также обеспечить возможность в первые дни мобилизации занять наиболее важные железнодорожные узлы, создав в них такие пробки, которые привели бы в расстройство транспорт и снизили бы пропускную способность железнодорожных узлов».

Алексей Шестов, бывший член правления треста Кузнецкуголь, троцкист и нацистский агент: «В Прокопьевском руднике была проведена камерно-столбовая система без закладки выработанной поверхности. Благодаря этой системе мы имели 50 с лишним процентов потерь угля вместо обычных 15–20 процентов. Второе: благодаря этому факту мы имели на Прокопьевском руднике к концу 1935 г. около 60 подземных пожаров.

...Было несвоевременно начато углубление шахт, в частности шахты Молотова, сознательно законсервировали с 1933 г. сотый горизонт шахты Коксовой, своевременно не начали углубления шахты Манеиха... При монтаже оборудования и при монтаже подземной электростанции и других механизмов была проведена крупная подрывная работа...»

Станислав Ратайчак, бывший начальник Главного управления химической промышленности, троцкист и нацистский агент: «По моей директиве... было совершено три аварии-диверсии на Горловском заводе и еще две аварии – одна на Невском заводе и одна на Воскресенском химическом комбинате».

* * *

В конце 1935 г., когда призрак войны вырисовывался все яснее, специальный курьер привез в Москву Карлу Радеку давно ожидаемое письмо Троцкого. Оно было отправлено из Норвегии.

Сгорая от нетерпения, Радек вскрыл письмо и начал читать. На восьми страницах тонкой английской бумаги Троцкий излагал подробности тайного соглашения, которое он наконец-то должен был заключить с германским и японским правительствами.

После вступления, в котором подчеркивалась «победа германского фашизма» и неминучесть «войны между народами», Троцкий переходил к своей главной теме. Он писал: «Существуют два варианта возможности нашего прихода к власти. Первый вариант – это возможность прихода до войны, а второй вариант – во время войны...»

Надо признать, что вопрос о власти реальнее всего станет перед блоком только в результате поражения СССР в войне. К этому блок должен энергично готовиться...»

Отныне, писал далее Троцкий, «диверсионные акты троцкистов в военной промышленности» должны будут совершаться под прямым «наблюдением немецкого и японского верховных командований». Троцкисты не должны приступать ни к каким «практическим действиям» без предварительного согласия своих немецких и японских союзников.

Чтобы обеспечить себе полную поддержку со стороны Германии и Японии, без которых было бы «нелепостью думать, что можно прийти к власти», правотроцкистский блок должен быть готов к серьезным уступкам. Троцкий перечислил эти уступки: «Германии нужны сырье, продовольствие и рынки сбыта. Мы должны будем допустить ее к участию в эксплуатации

руды, марганца, золота, нефти, апатитов и обязаться на определенный срок поставлять ей продовольствие и жиры по ценам ниже мировых.

Нам придется уступить Японии сахалинскую нефть и гарантировать ей поставку нефти в случае войны с Америкой. Мы также должны допустить ее к эксплуатации золота. Мы должны будем согласиться с требованием Германии не противодействовать ей в захвате придунайских стран и Балкан и не мешать Японии в захвате Китая. Неизбежно придется пойти на территориальные уступки... Придется уступить Японии Приморье и Приамурье, а Германии – Украину».

В письме намечался затем характер режима, который должен быть установлен в России после свержения советского правительства: «Надо понять, что без известного выравнивания социальной структуры СССР с капиталистическими державами правительство блока удержаться у власти и сохранить мир не сможет...»

Допущение германского и японского капитала к эксплуатации СССР создаст крупные капиталистические интересы на советской территории. К ним потянутся в деревне те слои, которые не изжили капиталистической психологии и недовольны колхозами. Немцы и японцы потребуют от нас разрядки атмосферы в деревне, поэтому надо будет идти на уступки и допустить роспуск колхозов или выход из колхозов.

В новой России должны произойти резкие перемены – как политические, так и территориальные и экономические.

Ни о какой демократии речи быть не может. Рабочий класс прожил 18 лет революции, и у него аппетит громадный, а этого рабочего надо будет вернуть частью на частные фабрики, частью на государственные фабрики, которые будут находиться в состоянии тяжелейшей конкуренции с иностранным капиталом. Значит – будет крутое ухудшение положения рабочего класса. В деревне возобновится борьба бедноты и середняка против кулачества. И тогда, чтобы удержаться, нужна крепкая власть, независимо от того, какими формами это будет прикрыто».

* * *

Между тем Вторая мировая война, которая, по предсказанию Троцкого, должна была разразиться на полях Советской России в 1937 г., уже докатилась до Европы. События после вторжения Муссолини в Абиссинию развивались быстро. В марте 1936 г. Гитлер ремилитаризовал Рейнскую область. В июле фашисты нанесли удар в Испании, организовав путч испанских офицеров против республиканского правительства. Под предлогом «борьбы с большевизмом» и подавления «коммунистической революции» немецкие и итальянские войска высадились в Испании, чтобы поддержать офицерский мятеж. Лидер испанских фашистов генерал Франсиско Франко двинулся в поход на Мадрид. «Четыре колонны идут на Мадрид, – хвастался фашистский генерал Кейпо де Льяно в пьяном виде. – А пятая колонна встретит нас приветствием в самом городе!»

Так впервые родилось зловещее название «пятая колонна».

12 сентября того же года, обращаясь с речью к войскам, собравшимся на парад в Нюрнберге по случаю нацистского партийного съезда, Гитлер публично возвестил о своем намерении напасть на Советский Союз.

«Мы готовы в любой момент! – кричал Гитлер. – Я не потерплю разрушение и хаос у своего порога!.. Если бы у меня были Уральские горы с их неисчислимым богатством сырья, Сибирь с ее безграничными лесами и Украина с ее необозримыми пшеничными полями, Германия и национал-социалистское руководство утопали бы в изобилии!»

25 ноября 1936 г. нацистский министр иностранных дел Риббентроп и японский посол в Германии подписали в Берлине антикоминтерновский пакт, обязуясь объединить свои силы для совместной борьбы против «мирового большевизма».

Отдавая себе отчет в непосредственной угрозе войны, советское правительство внезапно перешло в контрнаступление против врага у себя в стране. Весною и летом 1936 г. советские органы власти обрушили ряд ошеломляющих ударов на немецких шпионов, тайных правотроцкистских организаторов, террористов и вредителей. В Сибири был арестован нацистский агент Эмиль Штиклинг, который, как оказалось, руководил саботажем на Кемеровских шахтах вместе с Алексеем Шестовым и другими троцкистами. В Ленинграде был захвачен другой нацистский агент – Валентин Ольберг. Это был не только нацистский агент, но и один из специальных эмиссаров Троцкого. Он был связан с Фрицем Давидом, Натаном Лурье, Кононом Берман-Юриным и другими террористами. Один за другим были выслежены руководители первого «слоя» заговорщиков.

Была перехвачена зашифрованная записка, которую Иван Смирнов послал из тюрьмы своим сообщникам. За этим последовал арест троцкистских террористов Эфраима Дрейцера и Сергея Мрачковского.

Лихорадочное беспокойство охватило русских заговорщиков. Все зависело теперь от нападения на Советский Союз извне.

Ягода в своих попытках сорвать производившееся расследование постепенно терял голову.

Один из людей Ягоды, работник НКВД Борисов, внезапно был вызван в помещение следственной комиссии – в Смольный институт в Ленинграде. Борисов играл руководящую роль в приготовлениях к убийству Кирова, и Ягода решился на отчаянный поступок. По дороге к Смольному Борисов стал жертвой «автомобильной катастрофы».

Но убрать одного свидетеля – этого было мало. Расследование продолжалось. Каждый день приносил известия о новых арестах. Нить за нитью следственные органы распутывали сложный клубок заговора, измены и убийств. К августу почти все руководящие члены троцкистско-зиновьевского террористического центра уже находились под стражей. Советское правительство объявило, что в результате специального расследования обстоятельств убийства Кирова выяснились совершенно новые данные. Каменев и Зиновьев должны были снова предстать перед судом.

Слушание дела началось 19 августа 1936 г. в Октябрьском зале Дома Союзов в Москве перед Военной Коллегией Верховного Суда СССР. Зиновьев и Каменев, доставленные из места заключения, где они отбывали срок по прежнему приговору, сидели на скамье подсудимых вместе с четырнадцатью своими сообщниками. В числе последних были прежние главы гвардии Троцкого: Иван Смирнов, Сергей Мрачковский и Эфраим Дрейцер; секретарь Зиновьева Григорий Евдокимов и его подручный Иван Бакаев, а также пятеро троцкистских эмиссаров-террористов – Фриц Давид, Натан Лурье, Моисей Лурье, Конон Берман-Юрин и Валентин Ольберг.

Процесс – первый из так называемых «московских процессов» – знаменовал разоблачение и разгром террористического центра, т. е. первого «слоя» заговорщического аппарата. Вместе с тем на суде было установлено, что заговор против советского строя разветвлялся гораздо шире и в нем участвовали гораздо более значительные фигуры, чем представшие перед судом террористы.

На процессе впервые была приподнята завеса, скрывавшая тесные отношения, установившиеся между Троцким и вожаками нацистской Германии.

Вечером 23 августа Военная Коллегия Верховного Суда вынесла приговор. Зиновьев, Каменев, Смирнов и тринадцать других членов троцкистско-зиновьевского террористического блока были приговорены к расстрелу за террористическую деятельность и за измену.

Спустя неделю были арестованы Пятаков, Радек, Сокольников и Серебряков. 27 сентября Генрих Ягода был снят с должности народного комиссара внутренних дел.

* * *

Для заговорщиков настал решающий момент. Правые лидеры, Бухарин, Рыков и Томский, со дня на день ждали ареста. Они требовали немедленного выступления, не дожидаясь войны. Охваченный паникой, бывший председатель ВЦСПС Томский предлагал немедленное вооруженное нападение на Кремль. Предложение было отвергнуто, как слишком рискованное. Для подобной открытой авантюры не были готовы силы.

На последнем совещании заправил правотроцкистского блока, перед самым арестом Пятакова и Радека, было принято решение подготовить вооруженный переворот. Организация переворота и руководство всем аппаратом заговорщиков были переданы Н. Н. Крестинскому, заместителю народного комиссара по иностранным делам. Крестинский пока еще ничем не выдал себя, едва ли даже его подозревали, и в то же время он поддерживал тесные отношения с Троцким и немцами. Он мог продолжать дело, даже если бы были арестованы Бухарин, Рыков и Томский.

Своим заместителем Крестинский выбрал Аркадия Розенгольца, недавно вернувшегося из Берлина, где в течение многих лет он стоял во главе советского торгового представительства. Занимая высокие посты в советской администрации, Розенголец ухитрился тщательно держать в секрете свои связи с Троцким. Только сам Троцкий, да еще Крестинский знали, что Розенголец был троцкистом и платным агентом немецкой военной разведки с 1923 г.

С этого момента все дела правотроцкистского блока находились в руках двух троцкистов – Крестинского и Розенгольца, которые были одновременно и немецкими агентами.

После продолжительного обсуждения оба пришли к выводу, что для русской пятой колонны пришло время бросить на стол свою последнюю карту.

Этой последней картой был военный путч. Человек, которому предназначалось руководить военным мятежом, был маршал Тухачевский, заместитель народного комиссара обороны СССР.

В 1918 г. Тухачевский вступил в большевистскую партию. Он вскоре нашел себе место среди военных авантюристов, окружавших Троцкого, но уклонялся от участия в его политических интригах. Образованный и опытный военный, он быстро делал карьеру в еще не окрепшей тогда Красной армии. Он командовал 1-й и 5-й армиями на врангелевском фронте, участвовал в успешном наступлении на Деникина и вместе с Троцким не очень успешно руководил контр-наступлением против вторгшихся поляков. В 1922 г. он был назначен начальником Военной академии. Вместе с другими высшими командирами Красной армии он принимал участие в военных переговорах с немецкой Веймарской республикой после Рапалльского договора.

В дальнейшем Тухачевский стал во главе немногочисленной группы кадровых военных, бывших царских офицеров, служивших в штабе Красной армии, которые считали для себя обидой быть под началом старых партизан – Ворошилова и Буденного. В группу Тухачевского входили представители высшего командования – Якир, Корк, Уборевич и Фельдман, рабски преклонявшиеся перед немецкой военщиной. Наиболее тесно Тухачевский был связан с троцкистом В. К. Путной, занимавшим должности военного атташе в Берлине, Лондоне и Токио, и начальником Политического управления Красной армии Яном Гамарником, личным другом рейхсверовских генералов Секты и Гаммерштейна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.